

Андрей Мамонов

Триумфальный путь к поражению*

Andrey Mamonov

(Institute of Russian History, Russian Academy of Sciences, Moscow)

The triumphal path to defeat

DOI: 10.31857/S086956870017994-4

Книга А.А. Кривопалова, несомненно, привлечёт внимание тех, кого интересуют новые подходы к осмысливанию истории царствования Николая I. На протяжении многих лет в Московском университете их развивают М.М. Шевченко и его ученики¹. Их исследования объединяют стремление к преодолению стереотипов, восходящих к «освободительной» историографии пореформенного времени, заполнение лакун в освещении событий 1820—1850-х гг., а также умение сочетать анализ идей и позиций отдельных лиц и функционирования государственных институтов.

Неудивительно, что Восточная война и предшествовавший ей период, ставший «драматичным финалом всей николаевской политической системы», приобретают при этом особое значение (с. 5). Их чаще всего критиковали современники и историки, в том числе и за крупные промахи в международных делах. Автор монографии пытается понять: «Отвечала ли охранительная по своей природе политика Николая I в Европе высшим стратегическим интересам России или же она являлась опасной химерой, обрекшей империю на изоляцию в критический момент борьбы с коалицией западных держав?». В частности, «была ли русская стратегия в заключительное семилетие царствования императора Николая I провалом,

дискредитировавшим практически все результаты военного строительства 1830—1840-х гг., или же, напротив, оптимальным выходом из политически и стратегически безнадёжной ситуации, сложившейся в ходе Крымской войны, выходом, ставшим возможным именно благодаря этим результатам?». Ответ на эти вопросы Кривопалов ищет в поступках и замыслах «ближайшего советника Николая I, поскольку в конечном итоге именно в рамках отношений Паскевича с императором в 1831—1855 гг. вырабатывалась военная политика России» (с. 6—7). Исследователь демонстрирует превосходное знание отечественных и англоязычных трудов, посвящённых русской армии и борьбе великих держав в середине XIX в. Из обширной литературы по истории дипломатии он выделяет работы В.В. Дегоева и О.Р. Айрапетова, поддерживая их отход от изображения внешней политики исключительно как деятельности МИД (с. 23—26)². Вместе с тем наличие мощных научных традиций не помешало Кривопалову отстаивать вполне самостоятельные суждения. Опорой для них служит солидный круг источников, как опубликованных, так и извлечённых из дюжины фондов РГВИА. К мемуарным свидетельствам автор обращается гораздо реже. Так, в книге нет

* Кривопалов А.А. Фельдмаршал И.Ф. Паскевич и русская стратегия в 1848—1856 гг. М.: Университет Дмитрия Пожарского, 2018. 288 с.

ссылок на воспоминания гр. Д.А. Милитина, хотя Кривопалов знаком с этим единственным в своём роде развернутым описанием событий того времени, оставленным человеком, имевшим непосредственное отношение к разработке русской стратегии 1854—1855 гг. (с. 268)³.

Структура монографии логична, хотя читателю следует приготовиться к неожиданным переходам. Первая глава «Военные преобразования 1830—1840-х гг.» начинается с рассказа о карьере молодого Паскевича до 1831 г. (с. 39—48). Затем уже излагаются «сильные стороны» и «серёзные недостатки» армии, доставшейся Николаю I (с. 48—52), и меры, направленные на её реформирование (с. 51—62). Правда, тут уже почти совершенно исчезает кн. Паскевич, и создаётся впечатление, что хотя «император обсуждал с ним большинство вопросов, касавшихся внутренней, внешней и военной политики» (с. 48), князь ничем не проявил себя при переустройстве вооружённых сил. Освещая реформы 1830—1840-х гг., Кривопалов часто ссылается на исследования А.В. Кухарука и Ф. Кэгана, которые и через 20 лет не утратили актуальности и новизны, настолько медленно идёт корректировка устойчивых представлений об «упадке» и отсталости «крепостнической» армии⁴. Сопоставляя её военный потенциал с возможностями других великих держав, Кривопалов, вслед за бароном А. фон Гакстгаузеном, констатирует, что в николаевское царствование она не только не деградировала, но, напротив, именно тогда «превратилась в первую по своей мощи боевую силу на европейском континенте» (с. 62—70).

Исходя из этого, автор книги во второй главе рассматривает проблему «сохранения баланса сил в Европе в 1830—1840-е гг.». Характеризуя ситуацию, сложившуюся после 1833 г., он

отмечает прежде всего соперничество России и Англии за влияние в Константинополе, а также возобновление практически распавшегося в конце 1820-х гг. русско-австро-пруссского союза на основе признания территориальной целостности Османской империи и недопустимости французского реваншизма, что уже в 1834 г. вызвало «антанту» Лондона и Парижа, поддержанную Испанией и Португалией. «Изрядный запас прочности» альянса «трёх консервативных держав», по мнению Кривопалова, объяснялся их заинтересованностью в сохранении *status quo* и памятью «о совместной борьбе против французской экспансии». Однако он видит и «медленное, но неуклонное развитие центробежной тенденции внутри союза, связанной с ростом германского национального движения» (с. 103—104). И если в 1830-е гг. между Берлином и Петербургом шло теснейшее военное сотрудничество, то после вступления в 1841 г. на престол Фридриха-Вильгельма IV прусская политика не вызывала у Николая I и его окружения прежнего доверия (с. 72—73, 97, 104—105). А в 1845 г. кн. Паскевич уже детально продумывал возможные последствия столкновения с ближайшим союзником, допуская, пусть даже только гипотетически, «вторжение в Польшу всех девяти армейских корпусов, включая гвардию» (с. 107—113). Кривопалов справедливо указывает на то, что при существовавших тогда франко-пруссих отношениях это было совершенно немыслимо. Но, видимо, фельдмаршал не исключал, что всё может измениться.

Тем не менее с учётом последующих событий нельзя не заметить, насколько мало прорабатывались иные варианты. Конечно, «потенциально опасный для России англо-французский альянс в 1830—1840-х гг. в силу инерции двухвекового соперничества

Лондона и Парижа не казался прочной политической конструкцией, поскольку в то время «в отношениях Лондона и Парижа попеременно наблюдались признаки как потепления, так и охлаждения» (с. 100). Однако сами эти колебания свидетельствовали о том, что нельзя было вовсе исключать такого стечения обстоятельств, при котором обе державы совместно выступят против России. Кризисы на «востоке» в 1820—1830-е гг. следовали один за другим, борьба за «наследство» Османской империи могла обостриться в любой момент. Николай I не раз беседовал об этом с европейскими дипломатами и, похоже, в 1840-е гг. окончательно убедил себя в том, что сможет договориться с Англией и положиться на Австрию. Но какие риски на данном направлении видели и учитывали тогда царские стратеги, Кривопалов не пишет.

Между тем уже в 1848—1850 гг. России пришлось столкнуться с революционным кризисом, охватившим большую часть Европы и ставшим первой проверкой ожиданий Николая I и кн. Паскевича на деле. Сосредоточение в Царстве Польском крупных сил Большой Действующей армии (с. 122—123) позволяло оказывать заметное воздействие на обстановку в центре Европы. Но в холерный год оно ложилось на бюджет империи тяжёлым бременем. И царь, и кн. Паскевич остро ощущали тогда ограниченность имевшихся у них средств и старались действовать предельно осторожно, избегая втягивания в затяжные конфликты (с. 124—125). Как убедительно показывает Кривопалов, в своих шагах, будь то венгерская кампания 1849 г. или давление на Пруссию в 1848 и 1850 гг., они руководствовались не отвлечёнными идеологическими конструкциями и «донкихотством», а сугубо прагматическими соображе-

ниями. Победа революции в Венгрии с большой долей вероятности не только дестабилизировала бы положение в Галиции и на Балканах, но и критически ослабила бы позиции Австрии в Италии и Германии, расширяя простор как для французской, так и для прусской экспансии, вовлечение же Берлина в «объединительное» движение не только не соответствовало долгосрочным российским интересам, но и в ближайшей перспективе выдвигало на правительственные посты враждебных Петербургу сторонников национально-либеральной политики (то же, скорее всего, ожидало бы и Вену). Столь радикальное нарушение равновесия сил в Европе грозило России повторением испытаний 1805—1815 гг. или утратой ближайших союзников, что проблематизировало безопасность западных границ (с. 125—138). «Но, — отмечает Кривопалов, — несмотря на то, что именно Николай I внёс решающий вклад в предотвращение большой европейской войны, цена мирного разрешения конфликта впоследствии оказалась для России высока. Уже через несколько лет в ходе следующего международного кризиса она столкнётся с беспрецедентной по масштабам и глубине международной изоляцией» (с. 138). Тем самым автор напрямую связывает наилучший яркий триумф николаевской дипломатии и её сокрушительное поражение.

Однако перед тем, как раскрыть внутреннюю логику этого рокового перехода, Кривопалов пристранно размышляет об особенностях характера и репутации кн. Паскевича (с. 138—154). На первый взгляд, приведённые им оценки логичнее смотрелись бы в первой главе или в заключении. В середине книги они несколько искусственно привязаны к празднованию 50-летнего юбилея службы фельдмаршала (с. 138). Но именно так автору удаётся указать на суще-

ственний, хотя и сугубо психологический эффект успехов конца 1840-х гг. Прежде всего они усилили и без того «гипертрофированное самомнение Паскевича», его «мелочность и страсть к самовосхвалению», «раздражительность и несдержанность», не говоря уже про чрезмерную «подозрительность... и склонность практически во всём видеть лишь интриги, козни и зависть к себе недоброжелателей» (с. 142, 147–152). С другой стороны, по мере того как у императора росла уверенность в своих возможностях и притуплялось чувство риска, князь, находясь на пике славы, всё острее ощущал непрочность даже собственного положения в обстановке, когда, по выражению киевского генерал-губернатора Д.Г. Бибикова (в 1852 г. возглавившего МВД), «можно легко слететь с места по одному кризишу министра». Соглашаясь с этим суждением, Иван Фёдорович, припомнив времена Павла I, заявил, что и его могут сослать в Сибирь (с. 152). В таком настроении он и встретил Восточную войну.

Кривопалов признаёт, что шансы на победу в этом конфликте у Российской империи отсутствовали: «В 1853–1854 гг. произошли события, фатальное развитие которых созданная после 1831 г. военная система оказалась просто бессильна предотвратить. Возникла ситуация стратегической внезапности, когда первоначально не предвещавший серьёзных осложнений ближневосточный кризис стремительно перерос в такую войну, которую николаевская Россия не проиграть уже не могла» (с. 246). Впрочем, это не вызывает сомнений у историков, и в лучших университетских учебниках констатируется: «Политика России накануне Крымской войны стала классическим примером неверных оценок и вытекавшего из них неверного действия. Задолго до

того, как прозвучали первые пушечные выстрелы, война уже была проиграна политически и дипломатически⁵.

Но так ли «внезапно» Николай I оказался перед лицом неминуемого поражения? Показательно, что свой рассказ про «непредвиденное развитие Восточного кризиса 1853–1854 гг.» в четвёртой главе Кривопалов вновь начинает с анализа деятельности разведчики и тщетных попыток генерал-квартирмейтера Ф.Ф. Берга сосредоточить руководство ею и обработку поступающих данных «в особом секретном столе» при департаменте Генерального штаба. Николай I и военный министр кн. А.И. Чернышёв сочли данную инициативу излишней. Царь предпочитал «напрямую работать с донесениями военных корреспондентов», и хотя «подобная сверхцентрализация придавала политическому курсу России определённую гибкость, но в то же время не позволяла принимать взвешенные и всесторонне обдуманные решения в том случае, если император находился в плену ошибочного или предвзятого мнения относительно военно-стратегической обстановки» (с. 160).

Одной из таких предвзятых идей являлась, по-видимому, уверенность Николая I в возможности договориться с Англией, а точнее — навязать ей соглашение о разграничении интересов на Востоке. Столкновение с британцами стало для царя неприятным сюрпризом. Но было ли оно непредсказуемым и случайным? Следуя принципу «равновесия», Англия с конца XVII в. противостояла любой державе, претендовавшей на доминирование в Европе. И чем убедительнее Россия демонстрировала в конце 1840-х гг. свою силу и влияние, тем скорее ей следовало ожидать «сдерживания» со стороны Великобритании.

А зависимость Вены и Берлина от Петербурга делало Париж единственным возможным союзником Лондона на континенте. Точно так же и Наполеон III мог избежать изоляции только в случае сближения с британским кабинетом (с. 163). Правда, как полагает Кривопалов, «инерция двухвекового англо-французского соперничества была слишком велика, чтобы Николай I мог всерьёз воспринимать такую опасность» (с. 163). Однако эта «инерция» не мешала альянсу двух стран ни во времена Регентства, вскоре после Войны за испанское наследство, ни в середине 1830-х гг. Да и в начале 1850-х гг. не было никаких оснований недооценивать эту угрозу, казавшуюся, к примеру, австрийскому канцлеру кн. Ф. Шварценбергу вполне реальной (с. 162). Разумеется, в Англии опасались не только растущей мощи России, но и потенциального реваншизма Франции. Но Вторая империя была ещё неокрепшим и сравнительно более слабым противником, особенно когда действовала не в Бельгии, а на Востоке. А открытый русско-французский конфликт являлся для Англии едва ли не наилучшим способом парализовать обоих его участников, что весной 1853 г. осознавал кн. Паскевич. Правда, фельдмаршал почему-то решил, что Лондон позволит Франции одной выступить в роли защитника и гаранта существования Османской империи, и это было, по словам Кривопалова, «очень опасным заблуждением» (с. 170). Так или иначе, хотя англо-французская «антанта» уже противостояла России и её союзникам в 1830-е гг., борясь с ней в одиночку Петербург оказался совершенно не готов. Если гипотетическое нападение Пруссии на Царство Польское продумывалось, то отражение десантов двух западных держав на территории России, похоже, до 1854 г. не предусматривалось вовсе. В 1853 г. Николай I

рассчитывал встретить французов в районе Дарданелл⁶.

Ещё труднее понять цели и логику действий кн. А.С. Меншикова, отправленного в Константинополь в феврале 1853 г., уже после того, как англичане недвусмысленно отказались от дальнейшего обсуждения с Николаем I возможной судьбы Порты и её наследства. Кривопалов привычно сближает посольство князя с австрийской миссией гр. Ф.Х. Лейнингена, добившегося в начале 1853 г. с помощью ультиматума заключения мира между Турцией и Черногорией (с. 166). Но граф настаивал на прекращении локального конфликта и возвращении к *status quo*. Собственно и кн. Меншикову «быстро удалось найти компромисс» в споре о статусе Святых мест. Для восстановления престижа великой державы этого было бы достаточно, но князь требовал большего: «расширительного толкования» договоров 1774 г. и 1829 г. и установления царского протектората над православными подданными султана (с. 167, 199). Заведомо неприемлемые условия, подкреплённые после их отклонения оккупацией Дунайских княжеств, заставляли турок сражаться, толкая их в объятия Англии и Франции. Тем не менее, как утверждает Кривопалов, посылая кн. Меншикова, «Николай I отнюдь не стремился доводить дело до войны с Турцией, ещё меньше желал он разрыва с западными державами» (с. 169). Зачем же тогда турок ставили в безвыходное положение? Характерно, что даже кн. Паскевич «считал требования, заявленные Меншиковым, чрезмерными и не согласными с прежними трактатами» (с. 167). Канцлер также рекомендовал русскому эмиссару не доводить до разрыва. Но в то же самое время император вынашивал смелые планы, допуская как капитуляцию Турции, так и её разгром с

последующим разделом между Россией, Австрией, Англией, Францией и Грецией, объявлением Константино-поля вольным городом и вытеснением турок в Малую Азию⁷. Но о том, насколько русская стратегия соответствовала таким планам, остаётся только догадываться.

Отчасти о существовавших разногласиях и подходах позволяет судить то, как в начале 1853 г. обсуждалась «давняя идея высадки десанта на Босфоре». Фельдмаршалу казалось, что это «одним ударом ведёт не только к окончанию войны, но и к ниспровержению Европейской Турции». Но стоило только французскому флоту появиться у Саламина, как кн. Меншиков признал десантную операцию Черноморского флота невозможной (с. 170—171). Со своей стороны, кн. Паскевич не сочувствовал походу за Балканы, предпочитая ограничиться занятием Молдавии и Валахии и формированием ополчения из балканских славян, выступление которого при поддержке всего двух корпусов стало бы «началом распадения Турецкой империи» (с. 172—173). Как ни странно, но он, видимо, не сомневался в том, что такие цели и методы не вызовут раздражения и сопротивления в Вене. И то, что они несовместимы даже с дружественным нейтралитетом Австрии, в начале 1854 г. оказалось «неприятной неожиданностью для Николая I и князя Варшавского» (с. 180).

Это свидетельствовало о непонимании интересов и политики своего ближайшего на тот момент союзника. Задуманная Николаем I аннексия Дунайских княжеств и части Болгарии (до Балкан) или признание их независимости были совершенно неприемлемы для правительства Франца-Иосифа, как и разрушение Османской империи. Монархия, едва пережившая, и то лишь благодаря России,

революцию, не готова была принять и царские подарки — турецкие провинции на Адриатике и на северном побережье Эгейского моря, включая Дарданеллы. Подобное расширение и резкое увеличение среди подданных славянского и мусульманского населения не только не укрепило бы позиции Габсбургов, но неизбежно породило бы множество административных, национальных и финансовых проблем, которые поставили бы Вену в полную зависимость от Петербурга с его плацдармами на Дунае и в Царстве Польском. С самостоятельной ролью великой державы Австрии пришлось бы проститься. Но ещё опаснее для неё стало бы образование на южных границах квазинезависимых государств под протекторатом царя. А если бы затеянная в Зимнем дворце авантюра провалилась, участие в ней сулило австрийцам утрату Ломбардии и Венеции и резкое усиление влияния Пруссии.

Неудивительно, что сохранение целостности Османской империи и удаление русских войск с Дуная стали для Франца-Иосифа и его министров первоочередными задачами. Они вовсе не хотели «унизить и ослабить Россию», в чём их подозревал кн. Паскевич, но не соглашались предоставить ей «исключительный перевес на Востоке» (с. 180, 200—201). Сколь бы ни была велика благодарность за спасение в конце 1840-х гг., не стоило ожидать, что она дойдёт до государственного самоубийства ради новых побед Николая I. Весной 1854 г., навязав Берлину договор о наступательном и оборонительном союзе, Австрия приступила к мобилизации войск. Тем временем 27—28 марта Англия и Франция вступили в войну с Россией.

Надо отдать должное кн. Паскевичу, ещё в сентябре 1853 г. писавшему императору о бесперспективности

начатой уже войны с Турцией (с. 177). В феврале 1854 г. он предупреждал о вероятности борьбы против четырёх великих держав на пространстве от Балтики до Баязета. Фельдмаршал заранее признал невозможность победы над подобной коалицией и советовал затягивать военные действия, изматывая противника и принуждая его к миру. Но рассчитывать на такой исход можно было лишь при условии, что удастся удержать Австрию и Пруссию в «нейтральном положении». А для этого, по мнению князя, следовало сосредоточить основные силы не на юге, а в Польше, и очистить Дунайские княжества (с. 182—187).

Император же требовал прямо противоположного — в марте русские войска перешли Дунай и осадили Силистрию (с. 188). Только летом, после австрийского ультиматума, царь согласился вернуть их за Прут (с. 195—197). Вскоре княжества заняли австрийцы, после чего ранее энергично вооружавшиеся генералы, в том числе начальник Главного штаба Г. фон Гесс и фельдмаршал гр. Й. Радецкий, начали убеждать Франца-Иосифа в разорительности и бесполезности войны с Россией, которая уже не могла ни аннексировать Молдавию и Валахию, ни вызвать распад Османской империи. Захват же Бессарабии или Царства Польского, как считал Гесс, принёс бы Австрии только вред. Теперь опаснее казалась Франция, сблизившаяся с Пьемонтом и сочувствовавшая восстановлению Польши. В результате уже в ноябре 1854 г. мобилизация австрийской армии приостанавливается, а в следующем году её повторного развертывания на русских границах не последовало. Безусловно, на это влияли геополитические и финансовые соображения, санитарные потери мобилизованных соединений, симпатии австрийского генералитета к Николаю I и мощь группи-

ровки, сосредоточенной кн. Паскевичем в Царстве Польском (с. 198—213, 233—238). Однако ни её сокращение весной 1855 г., ни смерть Николая I, ни поражение кн. М.Д. Горчакова в Крыму не сделали позицию Вены более воинственной. Ультиматум же, предъявленный гр. К.Ф. Буолем в декабре 1855 г., был вызван в основном страхом перед тем, что готовившиеся сепаратные переговоры между Россией и Францией закончатся сделкой за счёт Австрии.

Таким образом, даже успешное осуществление плана кн. Паскевича не спасло Россию от поражения. Бойевые действия после падения Севастополя зашли в тупик, измотанный противник заговорил о мире, но именно это и привело к тому, чего пытались избежать, ослабляя армию в Крыму и укрепляя на западе, — к вовлечению в конфликт пока ещё нейтральных держав и резкому увеличению его масштаба. Вслед за Австрией в войну обещала вступить Швеция, присоединение Пруссии и Германского союза становилось делом времени. Правда, как отмечает Кривопалов, отклонение ультиматума вело бы только к разрыву австро-русских отношений, но не означало ещё вступления Вены в войну. Однако эта оговорка гр. Буоля скорее предназначалась для успокоения Франца-Иосифа и генералов, которым давалось время для подготовки войск. И едва ли можно согласиться с автором в том, что «положение России, в случае отказа принять ультиматум, не выглядело безнадёжным». Конечно, «ресурсы для продолжения борьбы ещё имелись». Это признавали и участники совещаний, собиравшихся Александром II 20 декабря 1855 г. и 3 января 1856 г. Однако силы империи достигли предела и в дальнейшем могли лишь сокращаться, тогда как их уже не хватало для того, чтобы изменить ход событий. Между тем круг её

противников расширялся. Собственно своевременное признание поражения и позволило избежать худшего. Любопытно, что перед этим, как пишет Кривопалов, «ни один крупный действующий военачальник в Зимний дворец приглашён не был» (с. 243). Кн. Паскевич был уже смертельно болен. К тому же война не пощадила репутации командующих, не исключая и самого фельдмаршала. Новых же выдающихся стратегов кампании 1853—1855 гг. не выявили, и Александр II предпочёл выслушать наиболее авторитетных сановников, доставшихся ему от отца.

Исследование Кривопалова удачно дополняют составленные им вместе с С.А. Осокиным карты, на которых впервые в историографии показано расположение корпусов и дивизий Действующей армии в конце 1830-х гг. и дислокация основных соединений в первой половине 1850-х гг. Конечно, и в этой книге можно найти досадные промахи. Так, сказано, что Берг служил в 1822 г. в МИД в чине действительного тайного советника (с. 116), хотя он был тогда только коллежским советником, Н.Д. Киселёв назван графом (с. 162), хотя, в отличие от своего брата Павла, он не имел этого титула, говорится про действия генерала Л.Э. де Кавеняка «в дни Июльской революции 1848 г.» (с. 161) и т.п. Но,

пожалуй, единственным серьёзным недостатком монографии является отсутствие в ней именного указателя.

Примечания

¹ См., в частности: Шевченко М.М. Сергей Семёнович Уваров // Российские консерваторы. М., 1997. С. 95—136; Шевченко М.М. Конец одного Величия. Власть, образование и печатное слово в Императорской России на пороге Освободительной реформ. М., 2003; Шевченко М.М. С.С. Уваров. Политический портрет // Тетради по консерватизму. Альманах. 2018. № 1. С. 27—50; Бибиков Г.Н. А.Х. Бенкendorf и политика императора Николая I. М., 2009; Наумова Ю.А. Ранение, болезнь, смерть: русская медицинская служба в Крымскую войну 1853—1856 гг. М., 2010.

² Дегоев В.В. Внешняя политика России и международные системы: 1700—1918 гг. М., 2004; Айрапетов О.Р. Внешняя политика Российской империи (1801—1914). М., 2006. Именно исследования Айрапетова автор называет своим «профессиональным ориентиром в области изучения внешней политики и военно-стратегического планирования» (с. 38).

³ Милютин Д.А. Воспоминания. 1843—1856/Под ред. Л.Г. Захаровой. М., 2000. С. 199—422.

⁴ Кухарук А.В. Действующая армия в военных преобразованиях правительства Николая I. Дис. ... канд. ист. наук. М., 1999; Kagan F.W. The military reforms of Nicholas I. The origins of the modern Russian army. N.Y., 1999. См. также: Русский сборник. Исследования по истории России. Т. 7. М., 2009.

⁵ Медяков А.С. История международных отношений в Новое время. М., 2007. С. 230.

⁶ Зайончковский А.М. Восточная война 1853—1856 гг. в связи с современной ей политической обстановкой. Т. 1. Приложения. СПб., 1908. С. 358.

⁷ Там же.